

Геннадий

СМЕРТЬ
И
СМЕХ
ИСТУКАНА

Калининград
2018

УДК 82-1
ББК 84(2Р=Рус)6
Ю 96

Геннадий
Ю 96 **Смерть и смех Истукана** / стихи – Калининград, Калининградский ПЕН-центр, 2018. : 106 с.

© Г. Юшко, текст, 2018 г.

© А. Попов, оформление, 2018 г.

Ваятель чувства

Поэзия Геннадия Юшко напрямую подключена к Ноосфере. Благодатные информационные токи идут и от Клюева, и от Хлебникова, и от Маяковского, и от Вознесенского. Но эти поэтические молнии не убивают, а заряжают мозг и сердце для своего неповторимого творчества. Русская поэзия уникальна. Она почти непереводима. Уникален наш исторический путь и опыт. Передать эту уникальность может только поэзия. Юшко не случайно прибегает к образу каменного Истукана, чьи глаза устремлены в вечность, а голова упирается в небо. Только окаменев можно пережить всё, что мы переживаем и переживали. В России ваятель – ещё и каменотёс. Стихи ваяют не из мрамора и не из камня, а из самого себя.

Мы часто забываем, что современность – это тоже история. Живая история. Поэт историк чувства. Никакие хроники чувства не сохраняют. А поэзия вся из чувства. Сборник стихов – это прежде всего сгусток чувств, чаще всего почти неведомых современникам. Поэзия Юшко несёт в себе пласты и залежи пережитого и ныне переживаемого нами. Эти чувства и мысли не добыты – они пережиты поэтом и мы все можем приобщиться к богатству из недр неиссякаемой, вечной и в то же время не вечной жизни.

Константин Кедров

СМЕРТЬ

* * *

Родина –
я твоё зрелище.
Но
не изображаю вино
и хлеб,
пою.
Я никогда не пел ещё
так,
чтоб на неисчислимость неб
хватило
голоса,
чтоб в каждое созвездие
он проник,
и чтобы Полярная
день и ночь
тебе видна,
и свои звёздные волосы
Вероника
расчесывала для тебя,
не ведая сна.
А хочешь? Родина,
этой ночью
для тебя
в роще на руки встану,
да так,
чтобы кровь в мозг
а взгляд
пунцовым тюльпаном
возрос
под белёсыми ножками
твоих берёз.

Но

 когда тебе рассвет,
и досыть хлеба,
 зрелищ,
 вина,

я

 уйду из тебя, страна,
к тем,
 у кого песен нет,
кому даже Полярная не видна.

Выстрел

Распишем пулю,
Гамаюн,
не в преферанс –
 литую.

И
 чтоб никто нам
 не указ,

и
чтоб закат из наших глаз
катился
 вслед за нею,
сужаясь
 и
 бледнея.

Распишем,
 птица вещая,

и
 время испытаем
на прочность
 будто вещь оно,
а после?
 после где ещё
вдвоём
 мы летаем.

Но,
 обгоня выстрел,
дотронемся
 до струн;
мы – вечность,
только быстрая,
мой вещей
 Гамаюн.

Отпевание

Ласточка

под окно
стала летать всё чаще,
мне говорили:

«к счастью».

К счастью мне всё равно.
Пристально смотрит асфальт
На

выступ
высокий балкона.

Выстрел.

И нет Рубикона,
и воет
над клумбою
альт.

Дьякон

не отпоёт
и не проводит иконой
церковь блюдет законы...

Ласточка домик вьёт.

Истина её проста

Я бы поведал

только Господь не дал

сил разомкнуть уста

Грузные гвозди гнутся

Мне завершая уют

Ласточки к дому вернуться

когда-нибудь.

И отпоют.

Берег

В прохладную ладонь прилива
Уткнусь лицом –
не остужает.
Глубины неба
 море погружает
и я пытаюсь
погрузиться торопливо.
Я становлюсь
 ракушкой глубинной.
Моё лицо –
застывшая известка,
уже ушло
 в песок наполовину,
но
 всё же чую
чуткой сердцевиной –
ладонь прилива
гладит берег жёсткий.

* * *

Тревожся,
стихия морская,
волнуйся на все лады,
Не то
на продажу тебя растаскают, –
останешься
без воды.
Так я
сосчитал поздно
взглядов холодных число,
промёрзнув
до костного мозга,
остался
без слов.

Музыка Заката

Обведи меня, цыганка,
окрути.

Я отдам
и серебро, и золото.

Только осень
не тревожь в моей груди,
пусть продлится музыка заката.

На земле
блаженство мне и рай
не гадай – с женою молодою.
Я уже давно шагнул за край,
Что назвали
жизненной чертою.

Не желаю знать
дорог в ночи,
не хочу жить долго и богато.
Лучше
ты со мною помолчи
и послушай музыку заката.

Январская элегия

Н. Рубцову

Спешат укрыться снегом ивы
и речку
 скоро сдавит лёд,
а на душе
 весенние разливы.
Душа, душа.
 Да кто её поймет.
Но
 дня прожить мы без души
 не в силах,
не дай, Господь,
 нам потерять её.
Как без души?
 Особенно
 в России,
особенно когда
 рыдаем и поём.
Пусть никогда душа не покидает
мой светлый край,
 мою родную Русь,
и
 если правда,
 что она летает,
так значит я
 над родиной кружусь.

Фото из семейного альбома

Тут я живой.
Тут – нет.
Здесь с мамой.
Мама ещё молодая,
Но
у нее
больное сердце,
сердится,
штанишки мои латая –
порвал
на чужом заборе.

Вздыхает.
Ещё не знает:
скоро...
горе.

* * *

Когда слова в моих
стихах
начнут расталкивать
друг друга,
и каждое
захочет
напоказ,
тогда
сойду я с поэтического
круга,
и сам остановлю
сердцебиенье
фраз.

* * *

Обнимаю
со всех
сторон
колокольный звон.
Вдыхает чугун
тяжелее,
чем я могу.

Ноль

У меня сегодня нету хлеба,
на ладонях
 бывших денег шум.
Возле церкви –
 тут так много неба –
учащённо,
 про запас,
 дышу.
Утром денег –
 снова полный ноль.
День за днём
 их соберется больше.
Я возьму
 свои нули в пригоршню,
буду перекачивать их
 поперёк
 и вдоль.
А когда последний ноль
 уронится,
ничего себе не попрошу.
Только утренней церковной
 звоннице
неба,
 что скопил я,
 надышу.

Афганская баллада

1.

Я пью в темноте,
чтоб не видели
зори,
я пью в тесноте
от дорог убежавших
осин,
за Родину, так,
чтоб сивуха срубила
под корень,
и очи,
как стопки пустые,
тускнея,
катались без сил.
Без сил отражать
наши дали и близи,
особенно близи,
ети иху мать!
а дали –
что взять с них? –
они нашу молодость
скрысили
и пеклу
афганского солнца
отдали ее
догрызать.

2.

На улице праздник,
широкий языческий
праздник, –
счастливые рты
уминают блины,
и солнце,
как масло

подтаяв,
в весеннем
кружится экстазе;
жаль взгляды людские
за жиром совсем
не видны.

3.

Неплохо бы
сдохнуть,
пока ещё праздник,
и в Рай
ворота – нараспашь,
но рядом девчонка
в прикиде соблазном,
и бьётся об небо
костыль мой,
и
ищет
свой 5-ый этаж.

4.

Свети и светись,
словно масляный
блинчик, Ярило!
А помнишь долину,
где маки качались
нам ало,
и будто кричали
беззвучно,
как кровью залитые
рты,
и падали
парни,
и неба
на всех
не хватало,
и падали жизни,
собой закрывая цветы...

...Дрожало ущелье
как будто куда-то
спешило.

Спешило.

А что если горы
уйдут?

Сшивалось
подножье с вершиной
тугими солдатскими
жилами,
и алые маки
за нас были
в каждом бою.

5.

Всхожу
на вершину
свою шлакоблочную
и бьюсь костылями в окно,
осколки стекла
улетают в афганские
дали;
бледнеет девчонка, она –
словно юность моя
непорочна,
и солнце,
тускнея,
в пустые протезы глядит
тяжёлой солдатской
медалью.

6.

Я пил
в темноте,
я пил в тесноте.
И маки, мне маки
по вёснам цвели, –
но – не те.

Онежская осень

Н.А. Клюеву

Над Онегою
 юная осень стоит,
я
 ещё не убит –
это
 после –
никогда
 не гранит
и
 не в бронзе,
я
 из слова отлит,
в нём
 кольшется солнце
и жита колосья,
и дождей
 суета,
но
 случается
выйдет понежиться
 просинь,
и
 всегда,
 навсегда
молода
в нём
 Онежская осень.

Тайная мелодия

моей смерти посвящается

Я
 сниму с тебя боль
и отправлю её на болото,
я
 сотру с тебя смех
и печали навечно смету,
моё имя ты знаешь –
в нём слышится жуткая нота –
никому не понять,
что сзывает она
 чистоту.

Но тебе
 я вверяю
 мелодию тайную,
никогда
 никому
 ты не выдай её,
зычной песней своей
или мыслью случайной,
даже
 взглядом,
в котором
 всегда мы вдвоём.

Художник

Николаю Джугану

Водки пол-литра.
Палитра.
Стакан.
И тюбика два:
жжёная кость и белила.
 Всё,
чтобы суть своего естества
в цвете
 изобразил я.
Чёрным
 по
 белому
былым
 по
 чёрному
с бликами стёкла;
краска
 из тюбика
 неизвлечённая –
точно,
 что слово
 неизречённое –
 мгла.
Острая
 вспышка,
белила –
 снаружи.
Стакан пустотой дрожит.
Что напишу я?
 Белую стужу
 жжёной,
 как кость,
 души.

луна проплыла бледной
кляксой,
не приглашенная на вальс
ником.

И тень моя – моя родня,
наверное,
устав сгибаться,
оставив на стене
подобье
танца,

поднялась
и
покинула меня.

Nisobaka, nimail, nitochka, niru

Завтра
 все пройдет,

Завтра
 станет тихо.

Парка,
 дочь ткачихи,
нитку оборвет.

Туча
 ляжет ниже,
чем земной порог;
ветер
 солнце слижет
из путей-дорог.

И
 Пегас укроет
мне глаза
 крылом,
дождь проводит
 стоя
под прямым углом.

И друзья
 поставят
мне стакан
 в песок,

и
 дождинок стая
скок
 в него
 да скок.

totsvet

Звезда Донелайтиса

Звезда дрожала в зеркале колодца,
раскручивалась цепь,

звения ведром;

Звезда, звезда,

Похоже разобьётся

Зеркальный мир твой, –

твой глубокий

дом.

Ведро набрало света и прохлады,

и не разбилось зеркало воды,

Но

всё тревожней

ищут листопады

высокий свет

глубокой той звезды.

Тост

ars longa, vita brevis

Жизнь коротка,
но смерть ещё короче.
Короче ночи,
что в любовных заморочках,
И

не длиннее
нашего застолья,
в котором,
под давлением
алкоголя,
мы
из себя,
надменничая, корчим
поводырей
и кормчих.

Бокалы без вина –
стекло,
пусть даже дорогое.
Но жизнь и смерть, –
сплетение другое.

Я предлагаю
тост:
за смерть,
что принимает жизни
груз.

За жизнь,
что знает смерти вкус.
За их союз.

* * *

Общага. Ночь.
Стихи-бродяги
на пол прилягут
туча в точь.
Когда-нибудь
и я прилягу
от слова
 прочь.
На нары,
 на
 больничную
 кровать, –
Не в этом суть,
не в этом, –
я
 буду ночь
в себе скрывать
от россыпи рассветов.
Я
буду прятать её от:
любезных од
и пышных гимнов,
и, может,
в самый чёрный год –
она меня – взаимно.

Переезд

Переезжаю.
Шины по шоссе
шуршат
 и листопад не слышат,
и звезды
 сантиметром выше,
сбежались,
 почему-то все.
Так ярко
 не случалось мне,
такого света не бывает вовсе.
За поворотом
 резко скрылась осень
и звёзды слились в лобовом окне.
Сплошной рассвет
и тишина
 сплошная,
и осень,
 что-то понимая,
листвою осыпает шинный
 след.

Уходящая повесть

Повесть кончается –
моя повесть, –
сотни случайностей
забеспокоились,
строчек сложилось,
может быть, несколько.
Будут ли живы,
рухнут ли с треском.
Спросите,
где моя повесть рождалась?
Там,
где начало вашей усталости,
где намолчало
ваше терпение
на одичание,
на стервенение.
Повесть закончена.
Всё я поведал.
Может, не ярко,
все же –
 не бледно.
Время...
и полночь над строчкой
 зависла.
Надо бы
 точку.
Поздно.
 Нет смысла.

Прекрасная Дама

Я
не искал тебя.
Я тебя создал
в мерзлом
 подвале ума,
там
 нету места
 людям и звёздам,
там –
 зима.
Я выбирал тебе
вечер на платье,
годы истратил,
чтоб
 лучше всех,
чтоб показала
 ты на закате –
самой
 блистательный
 мой успех.
Я тебя
 выстрадал.
Я тебя создал.
Ты
 в этот вечер
так грациозно
вышла
 из
 выстрела;
наши объятия
не разорвала
 зима.
Дама Прекрасная –
чёрное платье –

в красном
восторге ума.

.....

За твоё платье
Вечность заплатит
или оплачет.
Дорого, значит.

Премьера Смерти

В доме моей смерти
нет изысков
в доме моей смерти
торжественная пустота
вокруг
 пустоты
 близкие
у них
 места
в доме моей смерти
пьеса
 без исполнителей
декорацией
 ионосфера
выше пустоты
 длительно
музыка Баха
ниже
 бледнее страха
Дьявол
 целует крест
целый хорал невест
в черных венчальных
платях
пытается подпеть
но
 в музыке
 изначально
никому
 нет мест
Бах затихает.
Дьявол смеётся
 пауза
 (полтерции)

Появляется ангел
с трубой
он седьмой
фоном
 моря прибой
над фоном
 два стражника:
первый стражник:
– Отбой
 (терция)
– Полный –
подтверждает второй
 (две терции)
море пытается
прибиться
 к берегу
берег
 уплывает от него
 Намеренно
море не знает куда деться
 пауза
 (три терции)
близких нет
закончились места
пустота девственная
конец действия
(вечная терция)
 * * * * *

В

предельно траурных бикини,
и...

завершается программа
овацией
гвоздей и глины.

Зарыт.

Теперь, кажись, порядок;
за исключением помады –
румяный поцелуй с воротника
пытается стереть
щека.

Соборование

Соборовали меня
заборы
чужих
дворов и огородов,
и
отходную
буркал ворон,
и хныкала дождём природа.
А поперёк заборов
ветер,
ревя гигантскою валторной,
гнал от меня
и скрип штакетин,
и смрад,
ползущий из уборных.
Мой ворон
продолжал молебен,
Не отрывая взор от грунта,
и,
вдруг,
в насквозь промокшем небе,
мелькнуло солнце,
на минуту.
Похоже Бог
грехи
простил
и
Царские открыл врата,
и ворон
крылья
распластал,
и ветер
выбился
из сил.

ПАУЗА

* * *

Я ещё
 не с вами,
я ещё тикаю тихо
пульсом
 прерывистым
 в маме
радостью ей
 или лихом.
Я ещё батькой
 не бит,
и
 на коленях
 с иконой
острым горохом
 не пыт
и
 любовыми поклонами.
Лют
 на дворе февраль
но ноября
 далече;
мама
 накинет шаль
на поясницу
 и плечи.
И
 в холодах зазвучат
тихие
 её песни.
Я
 в феврале зачат
без
 голубиной вести.

Не мытарь
и не пророк,
и не хранитель
краденного,
просто – чувствитель строк,
местами
шершавых
как ссадина.
Время придёт –
и выйду
в общую
наружу.
Только б
февраль
не выдул
ещё не окрепшую душу.

Танец камня

Танцую
 под
 полной луной
один на один
 с собой
один на один
 с судьбой
в степи,
 она
 к лицу мне,
танцую.
Танцую
 прыжками,
каждый –
 столетье.
Веками
 при лунном свете
танцуют
 волки
 и
 камни.

Багровая поэзия

Илье Сельвинскому

Илья Сельвинский –
Азия в монокле,
следы
от шлема
меж бровей
будто зарубины стихов,
чтоб
за столетья
не поблекли.
Так витязя на Куликовом
оклик
разрубленный,
он
с каждым веком
багровой.

Персидский гость

В. Хлебникову

Я

Персию прошёл насквозь
Вслед Низами и Фирдоуси,
Там груди девичьи
под осень

сочней,

чем винограда

гроздь.

Спешил любить.

любил форсить

и девам нравиться персидским,
читать стихи им

на фарси,

таком певучем и

неблизком.

Но.

Гость.

Стихов и поцелуев гость,
напрасно

тенью северного сада

бросался к солнцу –

русскую прохладу

мне отогреть не удалось.

Пустыней,

в голоде,

в рванье,

косматым дервишем

пополз к России,

любимой мной

до обессилья,

но

Родина не шла ко мне.

* * *

Бетховен думал музыкой,
а мне
стихами
молчать и думать надо
не стихая.

Единица тишины

Нет ли у кого лишнего ветра
в голове?
Я бы одолжил
на вечность – две,
изгнать из себя
дым дум,
выветрятся,
верну;
с придачей
в одну тишину –
мое самое сущее сущестительное,
бесконечно
длительное.
В нем
я
безмолвнее
молнии.

* * *

Мне

долго позировало Солнце,
до самого моего заката,
потом вдруг пошло пятнами.
Разглядеть не удаётся,
плачет или смеется.
Что с него взять?
Солнце.

* * *

Не умещается слог
в тесный котомке
вдоха
и падает
за порог
с грохотом
слов,
что не вошли в искусство,
и – поделом,
им
по столетьям
устно
странствовать повезло.

Знак препинания

Стихами

стихаю,
кочую в беззвучье,
на случай,
что как-нибудь
лучше
слова
по векам раскидает;
моим,
запятая,
пусть
тонко свисает
как Месяца завязь,
от Солнца
слегка отражаясь.

* * *

Я владею всем
потому,
что у меня ничего нет.

Арбат Окуджавы

Гаснет свет Арбатских дворигов
под напором стен

глухих,

Оправдание, – риторика

и

ее не примет стих.

Солнце с улицы

изгнала

бурная

архитектура

и

зрачком черней металла
на Арбат глядит понуро.

Изощренное безвкусие

или

кто-нибудь

спецом,

новый-Ийрк

завис над Русью

стекленеющим

лицом,

Уцелели только песни

светлых дворигов Арбата,

как

ступеньки

с поднебесья

к

нам

от

вещего

Булата.

Сон во сне

Хожу
из комнаты в комнату, –
комната
 одна.
Старательно
 не думаю ни о ком,
чтобы скорей дойти до сна.
Там
 во всю
 оторвусь
И
 осуществлю замыслы:
 без железных и бетонных
 занавесов
выстрою
 новую Русь.
Раскину
 снега светлы,
дороги, парки;
себе
 у речной ветлы,
с девушкой
 ночь жаркую.
Построю
 мосты длинющие
и
 сблизятся континенты,
чтоб текст
 с Беловежской пуши
сделался
 незаветным.
Во сне,
 будто наяву,

мечусь
из угла
в угол, –
круглые они
как вьюга,
и
новая стена
не пропускает
из сна.

Сибирское

моей дочери

Татьяне Юшко

Я на все забил
И живу в Сибири,
Потому что весь
Сам себе

Ответ,

Потому

что здесь
моей буйной лире
самый белый,
самый чистый Свет.

Я люблю Урал
и хребты Алтая,
с быстрою рекой
долгий разговор,
ты,

как я,

Сибирь,

не совсем святая,
но народ какой –
души

выше

гор.

* * *

Шёл бы я...
 далеко.
Только
 нет никаких далеков.
От Начала
 веков
толпы волн,
 толчая облаков –
бьются,
 ищут пристанища
и
 не знают, что
 тающие.

* * *

Всё идёт по спирали,
Даже солнце в окне,
Даже сердце
 во мне,
только с каждым ударом
 все дале
 и дале.

* * *

Сегодня слова на простое
и
вынуждены умолкать
шумевшая ветром гать
и
варево моря густое.

Голос у ветра
отняв,
и волны сдавив до треска,
кидаю слова в преисподнюю,
чтобы запела
бездна.

Поэтичное

Ночь.

Улица.

Фонарь.

И в XXI веке

всё, как встарь.

Под фонарем скамейка,

на ней девчонка,

ей одиноко,

читает,

может – «Незнакомку»

Блока.

Да,

чуть не забыл:

примета поэтического века –

аптека.

К Плутарху
О слове и воде

И ты, Плутарх,
плутал
 меж дураков и плутов,
у дней-теней
искал оригинал;
зачем,
 скажи,
доказывать кому-то
что нет
 начала
 у Начал?
тем более
 Творец
об этом умолчал,
основою
 поставив
 Слово.
Прислушайся,
 Плутарх,
лёд говорит о льдах
и тает,
 сметая
континенты,
 города
и дни.
Молчишь, Плутарх?
Молчи.
 Мы не одни.
Вода.
Она свою ведёт игру
и
 ей
нет дела до теней

ушедших
и грядущих
дней,
мы
для неё
не более, чем – вдруг –
смыкая
и
разъединяя
круг
живого,
она
основа слова,
а мы с тобой
лишь отраженье влаги,
как оттиск
текста на бумаге,
что не всегда
бывает кстати...

Молчишь, Плутарх?
И мне молчать пришла пора
ещё вчера...
довольно слов истратил.

у словесных глыб
и у каменных,
неподъёмных,
грузных,
если мерять веками
зарожденья искусства,
где высокие скалы –
Давидовы скулы,
А Поэзия
Вечность устами учула.

* * *

Я кандидат
 в доноры
поэтам
 и
 воронам.

Из
 своего горла
пересажу горы.
Только бы
 не отторглись
и
 прижились
только бы
 восторги
не выровняли
 высь.

Ангел грозы

Горбятся
крыши города,
травы и птицы –
ниц,
вечер сверкает с грохотом
тысячи колесниц.
Это гроза
катится
с Останкино
по Неглинной,
змейку
твоего платьяца
спешу расстегнуть –
клинит.
В ливне дрожит столица,
молнии –
громогласны,
мечутся
улицы,
лица
и стрелки часов
на Спасской.
Время
из циферблата
вырваться
норовит
и
убежать обратно
к Спасу
не на Крови.
Площади Красной булыжник
выбрасывает
пузыри,
что к мавзолею ближе –

лопаются
 вкрик,
и
 содрогается мумия
свирепого юриста,
пора бы давно...
 со свистом...
но как
 без безумия.

Резко,
 под всплеск
 молнии,
треснули змейки швы,
платъице
 прошлось
 волнами
по шепоту
 травы.

И,
 пропади все пропадом,
включая жильца мавзолея,
на расстоянии
 шепота
нашим телам
 теплее.

Небо угрозы выкрикивает,
березки прижались
 к нам –
белесая базилика,
охрана наша
 и храм.

Наверно
 Адам и Ева,
когда на них накричали,
в грозу,
 под ревущим древом,
зачали.

Небо поднялось выше,
Останкино
 задремало,
и
 выпрямлялись крыши,
поблескивая устало.
Ночь убаюкала вечер
ладонями
 вместо крыл,
плечей твоих контур
 птенчиковый,
вздрагивающий,
 я укрыл.

Из леса

Валерию Голубеву

Стань моими глазами –
глазами окраин отчизны,
тёмными вонзись лесами
в яремную жилу жизни.

Примерь себе
 очи волчьи
и, может,
 тебя поймёт
восточный чернорабочий
и будущий твой
 народ.

Ты знаешь, когда я вою,
светило не при делах.
Не на Луну –
 за волю
я нагоняю страх.

Хочу, чтобы вой слушала
суши одна шестая,
так слушает замысел стужи
инстинкт выживания стаи.

Листай глазами лесными,
как календарь, года,
покуда не станут тесны им
будущие города.

Брат, за меня
 не бойся.
Я зверь, когда люди
овечьим одноголосьем
и молятся,
 и судят.

в промежутках
 дворы подметаю.
В прошлогодней листве
копошится нетлен
и суров,
 и утрюм
человеческий шум –
в нём
 шуршанье
шагов и дыханья,
и
 метла, онемев,
примерзает
 ко мне,
и
 никто
 голубей
по стране
 не гоняет.

3.

Обновляюсь сегодня
 и сам,
 и метла.
Ювенальное море
 создам
и – пешком
 по волнам.
Аз те, ночь,
 что бела,
темноту замела
неподъёмного русского
 голоса,
и тебе,
 мой набат,
пустотою богат
самых райских
 желаний и помыслов.

Обновитесь и вы!
У истоков Невы
и вдоль волг, иртышей, енисеев;
и начните

 свой вдох
под дыханье листвы
не опавшей –
 весенней.

Чтобы колокол...
 бей!
всполоши голубей,
на Покров созывая
 порошу –
мою долгую белую ношу.

Не покину я вас:
ни снега,
 ни набат,
ни голубок пугливую
 стаю...
Посмотрю ли вперёд,
или гляну назад –
без меня
 вся Россия
 пустая.

Влюбленный ветер

Небесных деревьев
Незримую тенью
Утренний ветерок
Коснулся
Твоих коленей,
Затрепетал
И лег.
Улыбкою
от меня
ты
прятала
его трепет,
и,
нежностью объятый,
он позабыл
о небе.
Платьица тонкая дрожь
будто шептала:
не трожь.
И
в утреннюю твою улыбку
Солнечные легли блики.

Переводчик

1.

Перевожу,
с литературного
на разговорный
русский
стихов и прозы
пузыри и сгустки.
Перевожу.
Так переводят взгляд
с минут,
что пустоту
зовут,
тактично ей подтикивая стрелками,
все тексты:
крупные и мелкие,
всосавшиеся
в письменный уют,
я выведу на воздух,
туда,
где травы силу пьют
из сочного подбрюшия реки,
чтоб,
пусть не виртуозно,
но –
не коматозно
слова,
глотнув волнения
молчали
и
рекли.

2.

Переведу
берёзовые листики,
весенние,

ещё по-детски липкие,
в прожилках
видится кириллица,
но сорваны
в гербарий
сожителем державы
из-под Питера;
он критик, он –
литературный барин,
везёт их хмуρο
на какой-то Брайтон...
Найду.
За пазухой согрею
и – обратно.

3.

Переведу,
чуть отдышусь,
в родную речь родную грусть
сквозь заросли дождей осенних –
под ними ветры
съёжились,
присели –
поди,
переведи их всех –
пока не снег,
пока метели не кликнули морозы
на порог –
мороз у нас ходок –
трещит и тишину хрипатит,
и студит свет,
и без того не яркий
в хате,
что чудом и мольбой жива...
В ней – люди –
веруют в Иисуса иль Егову,
неплохо бы от них
хоть слово...

О чём я?.. да перевожу,
с литературного перевожу
дыханье и слова.

4.

Переведу
 повествование и стих,
И даже заиканье
 запятых;
переведу
 любой порядок строк,
ещё
 отчества дымок,
который за столетья изнемог
всю нашу дурость
 холить и приятить,
но,
 поднимая небо
 тёплыми объятьями,
переведёт
 и мой нескладный слог.

И дождь, и счастье, и страна

Скворцы на вишню
налетают,
а воробьи –
на провода.
Я по стране кручу
педали
в свое большое
никуда.

Над головой
толпятся тучи,
меняя формы поминутно,
кручу педали,
может, случай
счастливый встретится
попутно.

Такой,
чтоб сразу хорошо
и даже,
может быть,
красиво.

Блеснуло солнце.
Дождь пошел,
Полезный
сорнякам и нивам.

Кручу педали.
Дождик, птицы,
Сверканье спиц
велосипеда.

А счастье?
С кем-нибудь случится.
А может быть
оно – все это.

Моим осенним друзьям

Спасибо вам за то, что терпеливы,
за то, что были вы со мною, ибо
когда б не вы, моих стихов разливы
не расплескались бы по осени.

Спасибо.

Спасибо вам за то, что вечер синий,
Еще за то...

... за что – не знаю, но спасибо!

Еще за то, что вы и я – Россия.
Полынная? Ржаная? Да, спасибо.

* * *

Расстояние
от меня до Истины
не равно расстоянию
от Истины до меня.

CMEX

* * *

В год Обезьяны
был год
кино,
рассматривал фильмы я
до вмятин в заднице,
большинство – сущее говно,
но многим
нравится.
При чем обезьяна?
Не очень при чем.
Просто – домашний примат.
Сидели у телика
к плечу плечом,
Примат вздрагивал,
когда пипикал
мат.
Смотрели молча.
Я много курил, –
дрянная привычка
и продукция.
Вдруг
мой недосапиенс,
но перегамадрил
выдохнул, откашлявшись:
– Дай
затянуться.

* * *

Я одет
в раритет:
в ветер,
в дождь,
в заплаты Солнца,
что сквозь тучи
сна
плеснется
обогреть
мой голый
социум...
Что-то долго его нет.

* * *

Читал свои стихи поэт
везде и всюду.
Однажды
 даже вековым дубам
как молчаливому,
 покладистому люду.
Деревья
 понимали по губам,
что шевелились,
 ветер дул покуда.

* * *

Я памятник себе воздвиг,
потом
задвиг.
– Не сотвори себе кумира.
Довольно Пушкина, –
шепнула Лира.

Хирург ума

Я
слепну
от лоска
великолепного
Босха.
Показалось даже
вздувшийся
мой мозг
мрачностью типажной
пилит Босх.
Может,
при зачатьи
Бог
лишку напихал?
Босх
разъял
на части
ум
и
потроха.

Первомай в картинной раме

Правильно
 свет
 поставлен,
недурно подобран
 колер,
и
 на холсте местами
небо
 и злачность поля.
Другими местами
 люди.
А
 на переднем плане:
планер
 и флага пламень.
Но,
 передней всего,
с прокуренными усами
добрый
 товарищ Сталин
хмылится.
 Чтоб его.

* * *

О, страна моя –
 Поле Чудес! –
и не сеяное,
 и не жатое,
но
 люблю тебя
 как балбес
балбесиху свою
 с балбесятами...

Государственный строй

Бабы косят траву.
Мужики говорят про любовь.
Я – не в теме.
Бык бунтует,
 пустил ему кровь,
предварив процедуру оглоблей
 по темю.
Кровь стекает в ушат
и черна, и густа
 что тот деготь.
Интересно,
 а есть у скотины
 душа?
А у нас, у людей?
 Не потрогать.
Мужики говорят про валюту,
 зерно,
про коррупцию,
 кость бы ей в горло.
Я молчу. И быку все равно –
кровь дурная сошла,
и жара на дворе
 будто пекло расперло.
Бык очнулся,
 поднялся с колен,
шевельнул застоявшийся воздух
 ноздрей.
Мужики пьют сто грамм и потеют.
И
 в политике ждут перемен.
Бабы мечут стога
 и рожают детей.
Вот и весь государственный
 строй.

Белый куб Юшко

Разбрасывала
 по холсту
 экспрессиониста
 кисть
ВЫВИХ НОГ
 двух табуреток,
это,
 конечно,
 подвижнее
 ажура
романтических виньеток,
к тому же
 автор писал
 с натуры
и выкладывал свой дух
близкий
 к советскому реализму,
хоть бери те табуреты
и
 кого-нибудь писдь,
но художник дал страсть
только двух предметов
и не в кого
 теми табуретами
 попасть.
Сплювываю
 бахрому стужи
с посиневших губ
в сугроба овал.
Если б
 я был художником,
 намалевал,
бы куб
из липких снежинок.

Потом,
 развел бы костер
и
 языком огня заштриховал
 всё.
Еёё – ё
Получилась бы живая картина.

Перебор

Карту.
Еще.
В темную...
Ни короля,
ни валета,
дайте
печального цвета
даму
не слишком скромную.
Цвета креста
или пик,
масти копья
иль кладбища,
чтоб
я в нее проник
как финка
за голенище.
Чтоб,
истерзав тела
страстью друг
к дружке
кровь из меня пила
темная
потаскушка.
Сквозь зубы чтоб,
как сквозь сито,
рассветы мои цедила
и, улыбнувшись сытно,
умолкла бы,
как могила.
Стук.
В дверях –
картинка:
с подушкой
блондинка.

* * *

О-ах –
Родина в снегах –
холода
по пах.
А на телеэкране –
Тройка
и расписные
сани.

Выходной

Прокатите мой гроб
на конях,
на конях вороных,
на каурых,
все равно я воскресну
на днях
и явлюсь к вам
с красивою душой.
Мои жилы срastутся
и кости.
Я вернусь молодым и поддатым,
И устроим мы пир
на погосте
в честь такой восхитительной
даты.
Будет кто-то
играть на гармошке,
остальные
ударятся в пляс,
так,
что черные вороны – в лежку,
и – копытами в звезды
Пегас.
Будем громкие песни
горланить,
а когда надорвем
голоса,
мы поднимем
и очи, и длани,
чтоб разглаживать
небеса.
После
ангел крылом мне
помашет,

но сейчас,
на конях вороных,
я уеду
в сторонку
не нашу,
чтобы петь вам
без выходных.

Опознание

Существовала версия:
я был человек
но
доказательств
не хватало
решили
докопаться
у нашей нации
страсть к эксгумации
содрали земли
липкое
одеяло
обнаружили
побег
как в могиле ЭНВэ Гоголя
которую вскрывали
вскрывали
и писателя
вчистую затрогали
и полетело в уста
из уст
ящик
пуст
окружающие
заохали
малохольные лишились чувств
собрали экстрасенсок
те
округлив зенки
наверное от анаши
решили
плохо
виновата
космическая
эпоха

и телесные
возле бесов

но

ваш из ящика
был
штучка та еще
вовсю мечтающий
при том летающий
по настоящему
и
по грядущему
без

тела
сущего
быть может
ангел
тут поп покашлял
но очень
падший

а в небе хмурость
группировалась
и туча к туче
все крепче жалась

вернемся к делу
сказал следак
составим акт
имелось тело
не факт
имеем ящик
но ящик пуст
куда из тару
девался груз

тут прокурорский
потрогал доски
словив
занозу

воскликнул грозно
копнули поздно
хотя стучали
и те сигналы
мы получали
в них
 за границу
желало смыться
живое
 тело
но
 не сумело
а что мешало
завелся критик
сморкнуться сиясь
но слишком вяло
другие ж
 смылись
док
 подтвердите
и даже
 нобелевские
там получили
не до ле чи ли
промолвил
 врач
в стране с лекарством
всегдашний срач
их проглядели
вмешался спец
из тихой
 службы
всегда
 наружной
и
 с этим тоже
 пипец

похоже

большой всяк
сказал следак
редчайший
случай
изрек философ
тут
тьма вопросов
хотя
ответов
возможно больше
той самой тьмы
гипотетически
умы...

Тут тучи
в кучу
так сильно сжались
что разорвались

... с последней
мысли
философ
сбился
но произнес
сакраментальное
нельзя поэта
найти без света
и света нету
коль нет поэта
поэт явление
моментальное

едва успел он
закончить фразу
как гром

и молнии
почти что разом
мой гроб
заполонили
и
абрис
тела
из вспышек
грозных
возник мгновенно
и был
опознан
немая сцена
холодный шепот
и ног
бегущих с погоста
топот

был человеком
а может не был
землей и небом
всегда опознан
бывает рано
бывает поздно
а что серьезно
расскажут грозы.

Содержание

Ваятель чувства	3
СМЕРТЬ	5
Частное дело	7
Родина, я твое зрелище	9
Выстрел	10
Отпевание	11
Берег	12
Тревожься, стихия морская	13
Музыка заката	14
Январская элегия	15
Фото из семейного альбома	16
Когда слова в стихах... ..	17
Обнимаю со всех сторон	18
Ноль	19
Афганская баллада	20
Онежская осень	23
Тайная мелодия	24
Художник	25
Ночь моей тени	26
Nisobaka, nïmail, nitochka, niru	28
Звезда Донелайтиса	29
Тост	30
Общага. Ночь	31
Переезд	32
Уходящая повесть	33
Прекрасная Дама	34
Премьера смерти	36
Быстрый реквием	38
Соборование	40
ПАУЗА	41
Я еще не с вами	42
Угол падения	44
Танец камня	45
Багровая поэзия	46
Персидский гость	47
Бетховен думал музыкой... ..	48
Единица тишины	48
Мне долго позировало Солнце... ..	49

Не умещается слог...	49
Знак препинания	50
Я владею всем...	50
Арбат Окуджавы	51
Сон во сне	52
Сибирское	54
Шел бы я далеко	55
Все идет по спирали...	56
Нутро шторма	57
Сегодня слова на простое...	58
Поэтическое	59
К Плутарху	60
К Микеланджело	62
Я кандидат в доноры...	64
Ангел грозы	65
Из леса	68
Голубиный колокол	70
Влюбленный ветер	73
Переводчик	74
Свидальное	77
И дождь, и счастье...	78
Моим осенним друзьям	79
Расстояние от меня до Истины...	80
СМЕХ	81
Такое се ля ви...	83
В год Обезьяны...	84
Я одет в раритет...	85
Читал свои стихи поэт...	86
Я памятник себе воздвиг...	87
Хирург ума	88
Первомай	89
Ох, страна моя...	90
Государственный строй	91
Белый куб Юшко	92
Перебор	94
О-ах, Родина в снегах...	95
Выходной	96
Опознание	98

Юшко Геннадий Артёмович
Смерть и смех Истукана
Стихи

Редактор: А.В. Попов.
Корректор: И.М. Семёнова.
Вёрстка: О.А. Попова.

Издательство
Калининградского ПЕН-центра.

Печать цифровая.
Гарнитура Minion Pro.
Бумага 80 г/м².
Тираж: 500 экз.